

Век Петровского: психология и время. Встреча в Библиотеке имени К.Д. Ушинского

Для цитаты: Век Петровского: психология и время. Встреча в Библиотеке имени К.Д. Ушинского // Культурно-историческая психология. 2024. Том 20. № 2. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2024200211>

The Century of Arthur Petrovsky: Psychology and Time. Meeting at the Ushinsky Library

For citation: The Century of Arthur Petrovsky: Psychology and Time. Meeting at the Ushinsky Library. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-Historical Psychology*, 2024. Vol. 20, no. 2, pp. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2024200211>

14 мая 2024 г. в Библиотеке имени К.Д. Ушинского Российской академии образования состоялся Круглый стол, посвященный 100-летию со дня рождения А.В. Петровского. Встречу модерировал В.А. Петровский. С воспоминаниями об А.В. Петровском и размышлениями о его вкладе в психологию выступили М.И. Мелия, Н.Н. Нечаев, В.Т. Кудрявцев, Е.В. Щедрина, Д.А. Леонтьев, В.С. Собкин. Яркими эпизодами личных встреч с А.В. Петровским поделились М.В. Кларин, И.А. Петухова, Т. Ю. Базаров (в предварительно записанном видеointервью), члены семьи А.В. Петровского — Александра Петровская, Дмитрий Дзюбанов, Александр Добровский. По предложению редакции журнала «Культурно-историческая психология» ряд участников Круглого стола представили расширенные тексты своих выступлений, которые публикуются полностью, наряду с фрагментами остальных.

Организаторы Круглого стола выражают благодарность Виталию Юрьевичу Сурвилло, руководителю Информационного центра Библиотеки имени К.Д. Ушинского за идею встречи друзей и коллег в стенах Библиотеки в связи с юбилеем А.В. Петровского, содействие в ее проведении и развертывании уникальной книжной выставки, «Психология и время», приуроченной к этой дате.

Материал подготовил В.А. Петровский.

Редакция журнала «Культурно-историческая психология»

On May 14, 2024, the K.D. Ushinsky Library of the Russian Academy of Education hosted a Round Table devoted to the 100th anniversary of the birth of Arthur V. Petrovsky. The meeting was moderated by his son, V.A. Petrovsky. M.I. Melia, N.N. Nechaev, V.T. Kudryavtsev, E.V. Shchedrina, D.A. Leontiev, and V.S. Sobkin shared their memories about the scientist and his contribution to psychology. Vivid episodes of personal meetings with A.V. Petrovsky were shared by M.V. Clarin, I.A. Petukhova, T.Y. Bazarov (in a pre-recorded video interview), members of A.V. Petrovsky's family — Alexandra Petrovskaya, Dmitry Dzyubanov, Alexander Dobrovsky. The editors of the journal "Cultural-Historical Psychology" offered the participants of the Round Table to present extended texts of their speeches, which were published in full, along with fragments of other articles.

The organizers of the Round Table express their gratitude to Vitaly Survillo, Head of the Information Center of the K.D. Ushinsky Library, for the idea of the meeting of friends and colleagues on the occasion of A.V. Petrovsky's anniversary, for his assistance in its holding and deployment of a unique book exhibition, "Psychology and Time", dedicated to this date.

The material was prepared by V.A. Petrovsky.

Editorial Board of the journal "Cultural-Historical Psychology"

Открытие Круглого стола, посвященного 100-летию А.В. Петровского.
Фото с сайта Библиотеки имени К.Д. Ушинского

В.А. Петровский,
член-корреспондент РАО,
доктор психологических наук, профессор,
научный руководитель Центра фундаментальной
и консультативной персонологии НИУ ВШЭ

В самом начале нашего разговора я, не без риска, позволяю себе произнести ученое слово, хорошо знакомое информированной части собрания. Это слово, при всей простоте его смысла, чарует своей загадочностью — «нарратив» (от лат. *narrare* — рассказывать, повествовать). Если совсем просто, нарративная психология исходит из того, что главное в личности — это то, что человек сам может о себе рассказать, упорядочивая свой опыт. Свод его собственных историй о себе самом. Говоря о нарративе, можно было бы и проявить *большую* щепетильность, но сейчас я хотел бы подчеркнуть другое: личность — не один нарратив, а, как минимум, два нарратива. Моя личность — это не только то, что я могу рассказать о себе, это еще и то, что может рассказать обо мне кто-то другой (другие). В терминах нашей с Петровским теории, личность — это единство *в себе и для себя* бытия человека и — его бытия *в другом и для другого*.

В сотнях книг написанных и переизданных А.В. Петровским можно найти примеры множества нарративов от первого лица: практически все его тексты пристрастны, написаны именно так...

Одна из книг называется «Откровенно говоря» (она есть на выставке). Но нас сегодня объединяет желание и возможность объединить здесь множество нарративов — повествований с позиции «значимых других». Кто-то из них не мог быть сегодня с нами, кто-то уже никогда не сможет... И тем не менее, все они с нами: живущие в нас и живущие рядом с нами.

Планируя эту встречу, инициатива которой принадлежит В.Ю. Сурмило (что я еще раз хотел бы подчеркнуть!), мы, с Мариной Владимировной Бороденко-Петровской, подготовили много вопросов к

участникам встречи — будь то встречи оффлайн или онлайн. Но потом нам подумалось: наша большая аудитория вполне готова к импровизации, и мы не стали озадачивать будущих участников какими-либо вопросами. Приглашение к разговору получили те, кто поздравил нашу семью и коллег (т. е. нашу Большую семью) с Днем рождения Артура Владимировича.

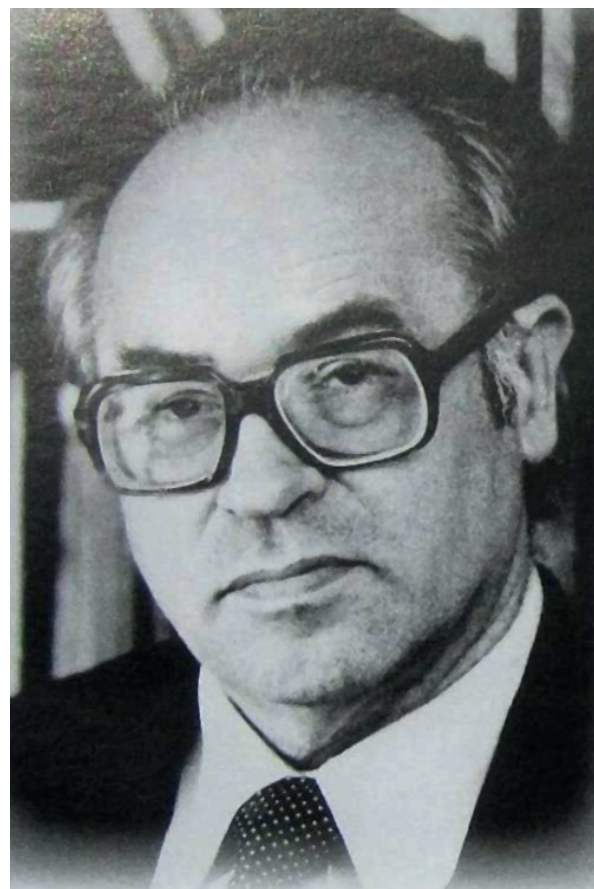

Фото из семейного архива

Встреча в Библиотеке еще не закончилась, но люди, желающие сказать пару слов о Петровском, писали для нас в Сети, а потом — некоторые коллеги — в «Психологическую газету» (редакция дала «добро» на публикацию откликов в журнале «Культурно-историческая психология»; будем отмечать выдержки из Психологической газеты аббревиатурой «ПГ»).

Особый respect Владимиру Товиевичу Кудрявцеву, который был главным инициатором и душой проекта «100-летие Петровского в “Культурно-исторической психологии”».

Н.Н. Нечаев,

действительный член РАО,
доктор психологических наук, профессор кафедры
ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология
детства» МГППУ

С А.В. Петровским я впервые познакомился в начале 70-х годов на этапе моего становления как молодого кандидата наук.

Начну с предыстории. Я заканчивал аспирантуру факультета психологии МГУ, руководителем моей кандидатской диссертации был П.Я. Гальперин, и у меня была спорная защита. По правилам того времени автореферат мог печататься лишь после того, как оппонент даст на работу положительный отзыв. В моем случае оппонент непосредственно перед защитой переменил свое мнение с вполне позитивного на негативное: автореферат уже был напечатан, но ожидался скандал. Дело в том, что первый оппонент, доктор наук профессор Л.Н. Ланда, известный в то время как специалист по алгоритмизации обучения, которому работа понравилась, дал положительное заключение. Но затем нашел в ней критику в свой адрес, которая там действительно была. Я на нескольких страницах показывал, что формальный подход, на котором базировалась его концепция организации учебного материала, подчас не отвечает его содержанию.

Гальперин предложил снять работу с защиты, но я считал себя правым и отказался. Защита была неординарной: известная всем 51 аудитория на факультете психологии МГУ была полностью забита народом, так как все ожидали скандала. Оппонент выступил, прозвучали аргументы «против» присуждения мне степени, но я тоже подготовился и высказал контраргументы. И когда А.Р. Лурия, который вел защиту, спросил у Ланды, удовлетворен ли он моим ответом, и тот ответил отрицательно, вновь сделав еще одно достаточно резкое выступление, я тоже ответил, заслужив аплодисменты аудитории. В результате Ланда, хлопнув дверью, удалился из аудитории. Вероятно, он был возмущен не только моими ответами, в которых я показал, что он не понял сути моих положений, вынесенных на защиту, но и реакцией публики, которая мне аплодировала. После выступления других оппонентов развернулась дискуссия, где выступали известные ученые, например В.В. Давыдов, который выступил с поддержкой моей позиции, отчетливо направленной против Ланды.

Очевидно, все эти факторы собрались воедино, и из 27 членов так называемого большого совета 22 человека проголосовали «за», но пятеро проголосовали «против». Эти голоса «против» имели значение для ВАКа, и мне пришлось довольно долго ждать утверждения результатов защиты.

Именно на этом этапе началось мое знакомство с А.В. Петровском — он в это время был председателем экспертного совета ВАКа по педагогике и психологии. Мне посоветовали с ним переговорить, и вскоре я, действительно случайно, встретил его в библиотеке факультета психологии. Я представился, и он спокойно сказал: «Да, я знаю вашу диссертацию. Не беспокойтесь. Все будет хорошо». У него была ровная, спокойная манера говорить, он производил впечатление надежности.

Так и произошло. Мою работу отправили на дополнительный отзыв в Ленинград, проф. Ю.Н. Кулюткину, специалисту по психологии образования взрослых, чему была посвящена большая часть моего исследования. После его положительного отзыва мне, в начале июля 1973 г., наконец присудили ученую степень кандидата психологических наук, хотя для этого понадобился целый год и один месяц.

Я был признателен Артуру Владимировичу и при следующей незапланированной встрече его поблагодарил, на что получил ответ, что это было решение Экспертного совета, которое поддержал ВАК, а он лишь выполнял свой долг — обеспечить объективную оценку выполненного мной исследования.

В течение ряда последующих лет мы не встречались за исключением моего участия в семинарах, конференциях и др., где я имел возможность слушать выступления А.В. Петровского. Так, помню его диспут с Д.Б. Элькониным, в Большой психологической аудитории Института психологии, на тему «Развитие психики или «психологическое развитие» — своего рода терминологический спор, где он выступал в той же ровной, корректной манере уважения к другому участнику.

Осенью 1982 г. мне позвонил А.И. Подольский, мой друг со студенческих лет, теперь профессор. Он сообщил, что в МГУ на Факультете повышения квалификации преподавателей, точнее на кафедре педагогики и психологии этого факультета, которую возглавлял А.В. Петровский, есть вакансия доцента. Я знал, что обычно вакансии открывались в расчете на уже известного кандидата, и я раздумывал, стоит ли мне что-то предпринимать. К этому времени я уже восемь лет работал доцентом в МААрхИ — Московском архитектурном институте, в системе повышения квалификации преподавателей архитектуры. Это была интересная работа, интересный материал, на котором я делал экспериментальную часть моей будущей докторской диссертации, посвященной анализу творчества архитектора и особенностям организации учебных форм архитектурного проектирования. К тому времени основная часть работы уже была закончена.

И я решился позвонить. Я услышал знакомый спокойный голос Артура Владимировича, который, с некоторой паузой, связанной с тем, что мой звонок был, по-видимому, для него неожиданностью, как бы

размышляя вслух, сказал: «Да, пожалуй, вакансия есть». Как я понял, он принял для себя какое-то важное решение, так как предложил мне приехать к нему на кафедру в МГУ. Артур Владимирович познакомил меня с деканом факультета повышения квалификации и предложил прочесть лекцию для слушателей, например, по психологии памяти. Я прочитал лекцию, на которой присутствовали и сам Петровский, и декан факультета И.В. Ракобольская, бывший начальник штаба женского полка ночных бомбардировщиков, а теперь доктор физмат наук и профессор. Я читал в свойственной мне манере живого общения с аудиторией. Лекция понравилась и слушателям, и Ракобольской, и самому Петровскому, который одобрил и манеру и проблемный характер, хотя при этом очень спокойно указал на небольшую ошибку — терминологический «прокол», связанный с латынью.

Так я был принят в штат кафедры психологии, педагогики и методики преподавания в высшей школе, возглавляемой А.В. Петровским, который в результате стал моим руководителем.

Через факультет повышения квалификации, преподаванием на котором различных психолого-педагогических курсов занималась кафедра, в год проходили тысячи преподавателей со всей страны в составе нескольких потоков. В то время А.В. Петровский возглавлял еще и лабораторию в Институте общей и педагогической психологии, на кафедре он появлялся не так часто, но уверенно руководил ею, вникая во все аспекты ее деятельности. Его заместителем по кафедре была Г.А. Китайгородская, известная в то время благодаря интересу многих к интенсивным методам изучения иностранных языков по методу Лозанова. После посещения пары занятий я воспринимал ее методики как некое шаманство, которое выступало как зубрежка, но в определенных театрализованных ситуациях. (Тебе дают роль, и ты

должен одну и ту же клишированную фразу повторять в разных обстоятельствах, скажем, знакомься с разными людьми). Язык смешался в практику общения, но в убогих формах, которые при этом не дают возможности осознания самих языковых структур.

При этом Г.А. Китайгородская действительно плохо вела дела по организации работы кафедры: при большой лекционной нагрузке преподавателей возникали проблемы с сеткой часов, порой дело доходило до срывов учебных занятий из-за плохо продуманного расписания и т. п. Все это вело к определенному напряжению. Говоря о работе кафедры, стоит добавить, что я тогда был единственным преподавателем, у которого, благодаря предыдущей работе, был подготовлен и «обкатан» комплексный курс «Основы педагогики и психологии высшей школы». В этом смысле у меня была пальма первенства; другие преподаватели читали более узконаправленные курсы, в основном по педагогике. Очевидно, взвесив все это, Петровский решил сменить своего заместителя, от которого зависела вся непосредственная каждодневная работа кафедры и предложил эту должность мне.

Я неплохо справлялся с оперативной работой кафедры, и у нас с Артуром Владимировичем установились хорошие товарищеские отношения, конечно, с поправкой на различие позиций старшего и младшего. В течение нескольких лет работа шла достаточно ровно. За это время мне удалось, поддерживая в нормальном состоянии работу кафедры, подготовить материал своей докторской диссертации.

Однако постепенно стало появляться определенное напряжение в моих отношениях с заведующим кафедрой. Так, с его стороны была просьба уменьшить нагрузку одной из коллег в связи с подготовкой ею кандидатской диссертации. Это предполагало перераспределение нагрузки, и мне казалось, что это несправедливо. После моего обращения с этой проблемой к

С.И. Архангельский, А.А. Вербицкий, В.И. Загвязинский, Н.Н. Нечаев, А.В. Петровский на Совете по проблемам высшей школы (МГУ, 1987). Фото из архива Н.Н. Нечаева

А.В. Петровскому он как будто бы согласился с моими доводами, но я почувствовал, что он недоволен тем, что я не нашел ответа на его личную просьбу. Я не хотел, чтобы напряжение нарастало и чтобы в конечном итоге наши отношения испортились. Я попросил предоставить мне творческий отпуск для завершения докторской диссертации. Отпуск был мне предоставлен, и на время моего отсутствия обязанности заместителя заведующего кафедрой начал исполнять А.К. Ерофеев, бывший аспирант Петровского, работавший ассистентом на кафедре. По завершении творческого отпуска я вернулся на кафедру рядовым доцентом, так как место заместителя заведующего было уже занято.

Артур Владимирович поддерживал мое стремление выйти на защиту докторской диссертации, он организовал обсуждение на кафедре. Опять было много народу: и мои слушатели с ФПК, и знающие меня коллеги с факультета психологии, и известные профессора. Эта предзащита прошла очень хорошо, и 2 октября 1987 г. на факультете психологии я успешно защитил докторскую диссертацию. Я хорошо помню эту дату, ведь это день рождения моего Учителя П.Я. Гальперина. К сожалению, по состоянию здоровья он не смог прийти сам, но Л.И. Айдарова, одна из его учениц более старшего поколения, которая была у него утром в этот день, передала слова Петра Яковлевича в своем выступлении на защите: «Сегодня для меня очень важный день: Коля защищает докторскую диссертацию — это большой подарок мне к 85-тилетию».

Итак, я вернулся на кафедру, как и прежде — на должность доцента. В это время в системе образования начинались перемены и события, связанные с горбачевской перестройкой. Мне предложили перейти в Институт проблем высшей школы на должность заместителя директора: в новых условиях это был важный институт в системе Министерства образования. Я принял предложение и ушел с кафедры спокойно, без всякого выяснения отношений с заве-

дующим кафедрой, хотя некоторый холодок в наших отношениях все-таки остался.

25 марта 1988 г. скончался мой Учитель Петр Яковлевич Гальперин. Я был на панихиде в Доме культуры МГУ на Моховой — строении, которому теперь вернули статус церкви святой Татианы — и выступал там, прежде всего, как один из ближайших учеников Петра Яковлевича. Но после панихиды ко мне неожиданно подошел Артур Владимирович и сказал: «Я хотел бы перед вами извиниться». Я удивился: «За что?» «Я был неправ», — сказал Петровский. И дальше я услышал слова, а, по сути, мудрость, которую хорошо помню с тех пор: «*Опирайтесь только на то, что сопротивляется*».

Позже я узнал, что он тоже ушел с кафедры: так как там возникла ситуация, при которой он не захотел больше там работать.

И опять прошло несколько лет. Работая в НИИВШ, я, в частности, возглавлял группу, разрабатывавшую Концепцию непрерывного образования. Одновременно другой коллектив, известный как ВНИК «Школа» — разрабатывал проекты, связанные со средним образованием. Его научным руководителем был А.В. Петровский, и, решая соответствующие задачи, мы с Артуром Владимировичем несколько раз пересекались. В ходе этой работы и нашего взаимодействия обсуждались многие идеи, прогрессивные для того времени. У нас установились теплые отношения, хотя мы непосредственно встречались нечасто.

После известного Всесоюзного съезда работников народного образования Г.А. Ягодин пригласил меня на работу в созданный на основе решений этого съезда Госкомитет по народному образованию, в котором он стал председателем, возглавить Главное учебно-методическое управление по общему среднему образованию. Контакты с А.В. Петровским были редкие, в основном по его инициативе в виде обще-

Н.Н. Нечаев, В.К. Ерофеев, А.В. Петровский на совещании в МГУ (1987). Фото из архива Н.Н. Нечаева

ния по телефону на интересующие нас обоих темы совершенствования образования в стране.

В конце 1991 г. произошли события, после которых вместе с СССР были ликвидированы управленческие структуры союзного уровня. 5 декабря 1991 г. я получил уведомление о том, что 5 февраля 1992 г. я буду освобожден от работы, и, хотя новый министр образования России Э. Днепрова предлагал мне должность одного из своих заместителей, я отказался. Я знал, что он, как бывший офицер, стремится установить в руководимом им Министерстве систему однозначного подчинения, что мне совсем не близко. Кроме того, я хотел сделать паузу в своем «управленческом» развитии и подумать над научными проблемами. Это время «бури и натиска» было сложным для многих, но тогда я занимался тем, что пристраивал на работу своих бывших сотрудников — до этого у нас сложилась неплохая команда.

Но я не успел почувствовать себя не у дел. В январе 1992 г. мне позвонил Артур Владимирович с неожиданными для меня новостями. Как оказалось, его назначили президентом-организатором Российской академии образования (РАО), в которую должна была быть реорганизована Академия педагогических наук СССР. И он предложил мне работать вместе с ним в должности Главного ученого секретаря Президиума РАО. Я, конечно, согласился. Поэтому начало моей новой работы день в день совпало с официальным завершением прежней работы. Начинался новый период жизни, почти 6-летний период нашей совместной работы. При этом я понимал свои задачи достаточно широко и убедил Петровского в необходимости расширения круга обязанностей и, соответственно, изменения формулировки своей должности: не «Главный ученый секретарь Президиума РАО», т. е. человек, который готовит заседания Президиума, обеспечивая его необходимыми материалами, а «Главный ученый секретарь РАО» — человек, организующий текущую деятельность Академии.

После избрания мы начали активно работать. В ходе этого почти шестилетнего срока мы научились тесно взаимодействовать. Были разные ситуации, которые только подтверждали, что наши товарищеские отношения прошли проверку временем, став, скорее, даже дружескими отношениями, с учетом того, что Артур Владимирович всегда был старшим и мудрым руководителем, а я всегда был молодым и увлекающимся его помощником. Он всячески поддерживал инициативы, выдвигаемые мною, обсуждал со мной свои идеи, касающиеся работы Академии.

Однако ситуация в Президиуме была не столь проста. В Академии начались закулисные интриги. В целях «захвата власти» стали, что называется, копать под Петровского, организовывались гнусные акции, клеветнические письма. Особенно недруги активизировались перед очередными выборами, некоторые из них, чтобы «добраться» до Петровского, начинали с меня. Петровский как-то сказал мне, что у него даже появился своего рода тест на подлость: когда он видит письмо с обвинениями (ложными) против меня, он понимал, что вручивший его человек — подлец.

Вот один из примеров порядочности и принципиальности Артура Владимировича. Еще во времена Советского Союза на Петровского, который тогда заведовал лабораторией в Институте общей и педагогической психологии, в ЦК КПСС начали поступать анонимки, в которых их автор обвинял Петровского в том, что он якобы препятствует продвижению молодых ученых. А.В. Петровский попросил отдать ему это письмо для того, чтобы он смог разобраться в ситуации и подготовить ответ. Каково же было его удивление, когда он уже дома, посмотрев внимательно на машинопись этого письма, увидел знакомый ему шрифт и понял, что эту анонимку писал никто иной, как Роберт Вайсман, известный сейчас как Роберт Немов, сотрудник его лаборатории и его

Прием в Президиуме РАО (1993). Слева направо: Н.Н. Нечаев, А.В. Петровский, В.В. Давыдов, патриарх Алексий II.
Фото из архива Н.Н. Нечаева

докторант, который после защиты своей диссертации с помощью анонимок хотел дискредитировать А.В. Петровского, чтобы вместо него стать заведующим лабораторией.

Петровский просто отказался с ним работать, и ему пришлось уйти из лаборатории.

Однако эта история получила продолжение: Роберт Немов записался на прием к Президенту по личному вопросу. Артур Владимирович решил выслушать своего бывшего сотрудника, но, помня его поступок, он попросил меня присутствовать при их разговоре в качестве свидетеля. В ходе этой встречи выяснилось, что Немов хотел обсудить возможность своей баллотировки в члены-корреспонденты РАО. Я помню, что Немов, нисколько не смущаясь, изложил свою просьбу. При этом ему хватило наглости произнести слова, поразившие нас обоих. Он сказал Петровскому: «Да, у нас были трения, но я вас прощаю». Трудно сказать, чего в них больше, бессовестности или неадекватности, но это было так неожиданно, что Петровский засмеялся.

Хочу привести еще один более серьезный сюжет, который сам Петровский описал в своих воспоминаниях. Во время событий 1993 года один из депутатов, бывший директор школы, приехал к нему и жестко настаивал, чтобы Артур Владимирович как Президент РАО подписал политический документ — письмо в поддержку Руцкого. Петровский отказался подписывать, а я со своей стороны начал задавать вопросы этому парламентарю: на каком основании Вы к нам приехали? Где Ваш «мандат»? Кто Вас послал? Где бумаги, подтверждающие это? И т. п. В конечном итоге «посыльный» вынужден был с позором удалиться.

Стоит добавить, что Петровский поблагодарил меня не только за находчивость, но и за то, что я сумел выступить как грамотный юрист. В этом мне помогли исследования, связанные с моей кандидатской диссертацией, где затрагивалась одна из важных сфер права. Петровский это помнил и не раз советовался со мной по поводу тех или иных юридических коллизий, возникающих в деятельности Академии.

Представляется, что этот эпизод, с одной стороны, демонстрирует твердость и принципиальность Артура Владимировича Петровского, а с другой стороны — взаимопонимание, которое установилось между нами за почти 12-летний период нашей тесной совместной работы и в МГУ, и в Академии.

Подытоживая сказанное, я могу сказать, что все эти годы общения с А.В. Петровским очень много мне дали, потому что Артур Владимирович не просто выдающийся теоретик психологии, но прежде всего, был очень мудрым человеком, тонко понимавшим многие проблемы и действовавшим так, чтобы примирить, а не продлевать конфликт. Я многому у него научился и за многое ему благодарен.

М.И. Мелия,

кандидат психологических наук,
профессор НИУ ВШЭ, автор популярных книг
и статей по проблемам психологии бизнеса,
коучинга, воспитания детей,
предприниматель

Я расскажу, как я познакомилась с Артуром Владимировичем. Это было что-то фантастическое. У меня была полностью готовая диссертация, посвященная спортивным командам, я чувствовала, что необходимо еще что-то... В библиотеке вдруг встретилась с разработками А.В. и почувствовала: «Вот оно!». Действовала безотлагательно. Траектория: психологический институт (там неприсутственный день), потом — сразу АПН¹ (там идет заседание), подстрожила А.В... Первая встреча — мгновенное взаимопонимание. Суть стратометрической концепции Петровского, трактовку специфики деятельности, опосредующей отношения в коллективе, понимание ключевой роли концепции в интерпретации феноменов органично восприняла как практик. Для меня Артур Владимирович — это не просто воспоминание, это моя работа сейчас, это то, что я делаю, и то, что делает моя компания; это то, что делает мою компанию эффективной.

Вспоминаю о семейном круге Петровского, о теплоте общения в семье, об Иветте Сергеевне Петровской, о домочадцах.

Артур Владимирович и Иветта Сергеевна Петровские.
Фото и семейного архива

¹ Академия педагогических наук СССР. — Прим. ред.

В своей последней книге «Метод Марины Мелия»², в главе «Великие психологи-коучи (из рабочих конспектов)», я пишу о том, что дали нам Адлер, Юнг, Фромм, Франкл, Роджерс; и, конечно, здесь же — об А.В. Петровском, о его трехфакторной модели «Значимого другого».

В коучинге необходимым образом переплетаются референтность, эмоциональная привлекательность и власть авторитета (не путать с авторитетом власти!). Не только коуч должен быть значимым другом для клиента (в этих трех ипостасях), но и клиент должен быть значимым другом для коуча.

В.Т. Кудрявцев,

доктор психологических наук,
профессор Дирекции образовательных программ
МГПУ, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-
историческая психология детства» МГППУ,
заместитель главного редактора журнала
«Культурно-историческая психология»

Есть такие люди, с которыми хочешь разделить день рождения, такие люди, с которыми срастаешься, сродняешься на всю жизнь. В этом кругу хочу поздравить всех с *нашим* днем рождения — столетием Артура Владимировича Петровского.

10 лет назад, когда отмечалось его 90-летие, Вадим Артурович Петровский заметил, — и меня поразила эта мысль! — что отец *молодеет* в нем. Это еще и к тому, о чем написал год назад Вадим в журнале «Культурно-историческая психология» в своей статье о «трансвитальности»³: идеальная представленность, отраженная субъектность рано или поздно должны перерасти в трансвитальность.

Комментарий В.А. Петровского: *Мне кажется, что этот эпизод (отец «молодеет в тебе») мог повлиять на возникновение концепции трансвитальности. Никогда не осознавал этого, Володя, но это очень интересный и неожиданный для меня поворот!*

Его концепция трансубъектности как персонализации через идеальные вклады одних людей в других, над которой они работали и вместе с отцом, уже давно заняла свое место в психологии личности. Но не получается ли здесь, что личность другие люди растаскивают на эти «вклады»? Вадим с самого начала предусмотрел это, подчеркнув, что отраженная субъектность невозможна без возвращенной. И личность вновь собирается вместе — в мире других.

Солнце отдает свою лучистую энергию планетам. Но много ли получает взамен? Земная жизнь — то единственное (из известного нам), что возвращает энергию, превращая энергетические затраты Солнца в активную форму функционирования. Но это

ничтожно мало! Так почти впустую «трудятся» все звезды. При неизбежной энтропии, когда их мощная энергия рассеивается без отдачи в космическом безмолвии. Второе начало термодинамики — приговор Вселенной, который означает безальтернативность исхода — ее тепловую смерть. Но за гранью «физики» альтернатива есть — она в природе разума, жизни разумных существ, в исторической перспективе человечества. Это сюжет ранней рукописи Э.В. Ильенкова. — В этом году тоже отмечается его столетие — «Космология духа»⁴.

А что если мы уподобим Солнцу человеческую личность? Вадим Петровский, по сути, нашел у нее *душу*, как водится, бессмертную, уже при жизни. Но сделал это не в тумане религиозно-мистических метафор, что достаточно просто, а на территории объективной науки.

И вот вывод Вадима Петровского (из другой статьи 2023 года):

«...Если люди не улавливают... “возрастающую в них силу жизни” (это слова Льва Толстого. — В.К.), тех, кто умер — близких, которые будто покинули их? Какие смыслы им подсказывает покидающие их близкие. Этот вопрос уместен в условиях консультирования. Вас покинули близкие, но они стали Вам еще ближе! — Почувствуйте это! Они живут в Вас, разрешите им жить в Вас, не слушайте тех, кто советует распрощаться, как учат некоторые мои коллеги, транзакционные аналитики! Что бы ушедшие сказали Вам сейчас, если бы увидели, как Вы убиваетесь — убиваете! — свою жизнь, не позволяя себе жить “в память об умершем”. И если удастся в условиях сеанса “озвучить” голоса близких, которые, уйдя, стали еще ближе, то в этом случае раскрываются новые ресурсы жизни, появляются важные опоры, новые стимулы...

Но подлинное земное бессмертие, “трансвитальность”, подразумевает нечто большее, чем живая, деятельная память о них в тех, кто остался. Важно, чтобы уходящие от нас знали, чувствовали, что они останутся в нас. *Может быть, в детском возрасте такой образ земного бессмертия возможен на уровне чувств, а не только рационального предвосхищения? Может быть, есть сензитивные периоды для формирования этого предвосхищения?* Есть, конечно, религия, вера в Бога. Но в этом больше понимают мои коллеги. Думаю, они не обойдут этот вопрос стороной (курсив мой. — В.К.)»⁵.

Это знание-чувство — *от души*, которую здесь не переименуешь в «психику». И оно относится не к смерти, а к утверждению себя, своего бессмертия, своей трансвитальности в земной жизни. Возможно и очень вероятно — с детства! Это новое неизведанное поле для детской психологии. «Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы. Бог не есть

² Метод Марины Мелия. Как усилить свою силу. М.: Бомбора, 2022.

³ Петровский В.А. Трансвитальное Я: опыт персонологии // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 3.

⁴ См.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

⁵ В.А. Петровский. Я емь. Трансвитальные смыслы (первый сезон) [Электронный ресурс] // Психологическая газета. 2023. 10.07. URL: <https://psy.su/feed/11400/>

Бог несуществующих и совершенно уничтожившихся, которые никогда уже не воскреснут, но Бог живых» — это толкования Евангелия от Матфея в «Троицких листках» 19 века.

Артур Владимирович был и остается для нас человеком-солнцем, а нам, претендентам на статус «мыслящего тростника», еще перерабатывать и перерабатывать его «лучистую энергию». Еще молодеть и молодеть вместе с ним! К счастью, мы «учились на одних букварях» — «учебниках Петровского». А главный учебник — его жизнь и ее нравственные уроки, о которых прекрасно говорил сегодня Николай Николаевич Нечаев. Я тоже вспомнил об одном.

Как-то Артуру Владимировичу позвонили на «вертушку» с какой-то «самой верхушки». Не упомяну, откуда и кто. Просили подобрать кандидатуру для руководства выполнением важного государственного задания. Артур Владимирович, не задумываясь, назвал имя известного ученого. И тут «вертушка» возмутилась, почти раскалилась:

— Так это же неуправляемый человек!

— *Кем* не управляемый? — спокойно переспросил Артур Владимирович. Знающие припомнят, представят себе его неповторимую интонацию, с которой он мог произнести эти слова.

Больше у «вертушки» вопросов не было.

И еще два эпизода личного характера.

Через два-три месяца после моего рождения мой отец Товий Васильевич Кудрявцев отправился в свою первую зарубежную командировку — в Болгарию вместе со своим другом Артуром Владимировичем Петровским. Начало 60-х — эпоха неожиданного возникновения разных дефицитов: в одночасье исчезали то хлеб, то детские вещи на фоне космических

прорывов страны. И меня угораздило родиться в самый разгар дефицита пеленок-распашонок.

И вот в Пловдиве помочь отцу решить мою (общесоюзную) проблему вызвался опытный папа двух детей А.В. Петровский. По рекомендациям Артура Владимировича, с его слов и при его направляющем участии в шопинге меня удалось полностью укомплектовать вещами первой необходимости для жизни в человеческом мире. Оказалось, что ребенку надо подкупить еще и то, и это. Естественно, я тогда еще не знал его, а он знал только обо мне. Но жизненная связь между нами установилась — через болгарские распашонки, заботливо подобранные Артуром Владимировичем, которые стали для меня счастливыми. Можно сказать, я заново родился в них.

Удивительная история межпоколенных семейных дружб длиной почти в 70 лет не сразу, но обростала новыми друзьями, дорогими людьми, без которых моя жизнь была бы не совсем моей. Товий Васильевич и Артур Владимирович. Я и Вадим. А еще граждане моего сердца из той же семьи — Катя Щедрина, Леся Петровская, Марина Бороденко.

И о нашей последней встрече.

Начало «нулевых», май. Академик-секретарь Отделения возрастной физиологии и психологии Российской академии образования А.В. Петровский приехал познакомиться с работой Института дошкольного образования и семейного воспитания РАО, которым руководил я. Это день запомнился мне одним из самых солнечных в 21 веке. Иду провожать Артура Владимировича к машине. Перед распахнутой дверцей обнимаемся, и он вдруг говорит: «Володя, а давайте поцелуемся». Артур Владимирович, будучи у нас в гостях на Преображенке, даже

Круглый стол, посвященный 100-летию А.В. Петровского.
Фото с сайта Библиотеки имени К.Д. Ушинского

когда я учился в старших классах, называл меня на «Вы». Я потом спрашивал, почему, а он отвечал: «Вы и тогда были очень серьезным юношей». Воспитывал мое самосознание — чтобы помнил, как себя держать не перед кем-то, а перед самим собой...

Мы поцеловались. И тут я ловлю себя на том, что прижимаю к себе это человеческое солнце, как ребенка, которого не хочется отпускать. Или прижимаюсь к нему, как ребенок к отцу (папы тогда уже не было в живых, как и моего учителя В.В. Давыдова, ставшего мне вторым отцом⁶). Все во мне сопротивляется тому, чтобы служебный автомобиль унес его куда-то от меня и прижимаю (прижимаюсь) еще крепче. Тогда не знал, что он уедет навсегда. Нет, еще прошло несколько лет. Мы время от времени созванивались, я, конечно, все собирался навестить, полагая: кто-кто, а он, с чьей руки меня одели в человеческие одежды, чьими руками были написаны первые золотые страницы психологии, которые я прочитал, — он уж точно навсегда! Можно подумать: мы навсегда. Поэтому не торопимся навестить. Поговорить, договорить. «Не договорили!» — помните у Левитанского? И даже просто сказать. Когда уже договорить не с кем.

Подросток Артур Петровский крутит «Солнышко» на турнике. Фото из семейного архива

Но я договариваю с Артуром Владимировичем, говоря с Вадимом Артуровичем. А это и есть то, что предохраняет нас, оставшихся, от личностного старения и умирания заживо. Наши родители и учителя, продолжаясь в нас, до сих пор заботятся о продлении нашей жизни. И я чувствую Артура Владимировича в Вадиме — молодого, заботливого, нежного. Каким он и был в земной жизни.

Из «счастливой рубашки» Петровского, как из гоголевской шинели, во многом вышла наша психология. Включая тех, кто лишь примерил ее на себя. Школа А.В. Петровского шире огромного круга его сотрудников, учеников и последователей.

А он остался в моих объятиях, в нашем поцелуе у дверей машины — не прощальном, а с уверенностью в том, что будут новые встречи.

Объятия не остыли. А главная встреча продолжается. Ее имя — жизнь.

А.Г. Асмолов,
академик РАО,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой психологии личности
факультета психологии МГУ имени
М.В. Ломоносова, директор Школы антропологии
будущего Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
научный руководитель Московского института
психоанализа

А.В. Петровский — одна из самых загадочных и талантливых фигур в нашей психологии. У каждого человека есть тайна творчества. Чем же отличается тайна творчества Артура Владимировича? Тайна творчества А.В. Петровского — сочетание уникальной энциклопедичности и блистательного литературного таланта. Я не сделаю большой ошибки, если скажу, что А.В. Петровский был одним из блистательных мастеров слова в психологической науке, а не только академическим исследователем. Он был популяризатором науки, и одновременно его концепция составляет методологию современной психологии личности и социальной психологии.

Почему я об этом говорю? Я говорю об этом потому, что в моей жизни мне посчастливилось быть тем человеком, который немало общался с Артуром Владимировичем Петровским и его семьей. Еще на

⁶ Василий Васильевич и Артур Владимирович разошлись в той напряженной ситуации с Академией, о которой рассказывал Н.Н. Нечаев. Хотя более точным словом будет не «расхождение», а «разлад», ситуативный разлад, но от этого не легче. Я бы сказал: их «разошли». А они поддались — в каждом из них временами проступало что-то от подростка, как часто бывает с личностями такого калибра. Порой это выглядело трогательно, но тут оказалось драматично. В лице психологии проиграла наука в Академии. Эти «политические» интриги не Петровским и Давыдовым затеяны в далеком прошлом, а психологии для развития не нужны «академии» и прочие институты. Нужны идеи Петровского и Давыдова и те, кто их способен подхватить, чтобы передать дальше с приращениями и расширениями. Все. Главная драма в том, что те далекие события не могли не ускорить ухода двух великих психологов и замечательных людей. Спустя несколько лет, когда В.В. Давыдова уже не было, Артур Владимирович с великодушной доверительностью признался мне: «А, все-таки, Володя, зря мы тогда разошлись с Василием Васильевичем!» Но я-то знал: чуть ли не единственным человеком из «первых лиц психологии», который регулярно звонил Давыдову, когда того исключили из партии в 80-х и все старались откреститься от «порочащих» связей с ним (один из его учеников, ушедший в политическую журналистику публично бил себя в грудь и сокрушался: мне еще долго придется смывать этот грех!), был Артур Владимирович. Василий Васильевич это очень ценил, о чем я и позволил себе напомнить Артуру Владимировичу.

факультете психологии я обрел не просто друга, а брата по мышлению — Вадима Петровского. Тем самым волей-неволей оказался фактически в семье А.В. Петровского. Можно взглянуть на многие из моих работ, в том числе на «Психологию личности»⁷, где немало страниц уделено теории деятельностного опосредствования межличностных отношений А.В. Петровского, а также разработанной А.В. Петровским совместно с В.А. Петровским теории персонализации, теории личностных вкладов как одной из ярких страниц в понимании психологии личности, утверждающей, что личность — это всегда инобытие в другом человеке. Во мне живет инобытие, следы и А.В. Петровского, и моего друга Вадима Петровского. Благодаря им я чувствую себя сильнее, когда обсуждаю многие исследования и идеи психологии. А.В. Петровский обладал ярчайшим юмором.

До сих пор помню знаменательное событие, когда в далекие 1980-е годы А.В. Петровского пригласили в журнал «Вопросы философии» обсудить, что же такое психология личности, и провести круглый стол по психологии личности. Во главе этого стола были асакалы философии СССР, такие как академик И.Т. Фролов, многие другие известные исследователи, такие как А.Г. Спиркин, автор теории сознания в марксистских контекстах. Не буду перечислять всех. Артур Владимирович волновался, готовился к этому совещанию и принял следующее решение. Он сказал: «Я не буду выступать один», — и предложил уважаемому коллективу «Вопросов философии», что будет выступать по русскому обычаю — «на троих». В середине сидел А.В. Петровский, по одну сторону сидел Вадим Петровский, по другую сторону сидел я. Мы были юны, но ощущали всю силу Артура Владимировича и одновременно вихрь ревнивых вопросов, которые задавали философы, часто с партийных высот, иронически поглядывая на становящуюся науку психологию. Что же произошло? Жаль, у меня нет

стенограммы этого круглого стола. Артур Владимирович искрометно отвечал на многие вопросы, касающиеся развития личности. Предложенная им своеобразная талантливая периодизация развития личности дополняла и трансформировала теорию периодизации развития ребенка Д.Б. Эльконина. Были и другие вопросы. Но я не про это. Сегодня мне вспоминается, что когда Артур Владимирович видел те вопросы, в которых проводили исследования как ученики А.Н. Леонтьева Вадим Петровский и я — а Вадим Петровский тогда разрабатывал уникальную теорию психологии активности в своей диссертации, посвященной феномену риска, я же работал над психологией диалога, установки и деятельности, — когда вопросы так или иначе касались этого поля проблем, Артур Владимирович мягко говорил: «Мне кажется, на этот вопрос сумеет ответить Вадим Петровский... На этот вопрос — Александр Асмолов». И был диалог. И одновременно — диалог поколений.

Когда же философы в буквальном смысле слова аплодировали Артуру Владимировичу, он вспомнил пушкинскую мудрость, он сказал: «Я открою вам секрет, свою тайну, — и лукавая, добрая улыбка высветилась на лице, — эта тайна заключается в том, что сегодня я был как человек-диалог со своими близкими по мысли исследователями. На ваших глазах демонстрировалась полифония сознаний, по М.М. Бахтину. А также, как говорилось в одной из замечательных сказок А.С. Пушкина, вы, «прежде чем мне задавать вопросы, лучше догоните моих меньших братьев». Раздался веселый смех.

Я привел этот пример, чтобы показать, что А.В. Петровский — это одновременно и замечательный актер, который может строить сценическое пространство, завораживая тех, кто его слушает.

Столетие А.В. Петровского позволяет нам еще раз отразить, что без его исследований не было бы многих и многих современных психологов, разра-

Книжная выставка «Психология и время».
Фото с сайта Библиотеки имени К.Д. Ушинского

⁷ Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990.

батывающих идеи истории психологии, социальной психологии и психологии личности.

Д.А. Леонтьев,

доктор психологических наук, профессор, заведующий международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации, профессор департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ

Дорогие друзья, я очень благодарен за приглашение на мероприятие. Я, конечно, соприкасался с Артуром Владимировичем достаточно регулярно и долго, но не очень плотно, скорее как бы по касательной. Не помню, когда это началось; к тому времени, когда я стал входить в профессиональную жизнь, Артур Владимирович там уже был, и казалось, что был всегда. Профессиональные контакты пошли с начала 1980-х гг., когда я окончил факультет психологии, начал работать в практикуме и стал задумываться о диссертации. С подачи А.Г. Асмолова я обратился к Артуру Владимировичу с просьбой быть научным руководителем и получил согласие. Это было довольно странное руководство, тоже по касательной, в режиме «легких касаний», если воспользоваться формулой В. Пелевина. Вместе с тем эти касания были мне тогда необходимы и достаточны, и это было именно такое руководство, которое мне тогда было нужно.

Встреч по работе было, как я помню, три. На первой Артур Владимирович задал мне ориентир по теме самореализации и дал задачу написать обзорный текст; на второй выяснилось, что этот текст хорош, но не соответствует его ожиданиям; потом я написал диссертацию на другую уже тему, по смыслу; и на третьей встрече он, прочитав уже готовый продукт, благословил его на защиту. При этом у меня уже несколько позднее получили развитие, часто неожиданно для меня, другие идеи Артура Владимировича, например, треугольник субъект-субъект-объектных отношений, разведение развития психики и развития личности, которые до сих пор входят в методологический фундамент всего, чем я занимаюсь.

Я вспоминаю это время с теплыми чувствами. Артур Владимирович в те достаточно турбулентные времена был фактором стабильности и ценностно-ориентационного единства не только для меня, но и для психологического сообщества в целом.

Е.В. Щедрина,

кандидат психологических наук, главный редактор журнала «Вопросы психологии»

Когда я оказалась в этой семье (у Петровских), я сразу поняла, что это очень хорошие люди. С А.В. у меня сложились сразу хорошие отношения, отношения симпатии и глубокого уважения. Меня впечатлило то, как ему удалось развести традиционные представления о малой группе, существующие в западной психологии, и собственную концептуальную

модель коллектива, как особой общности людей, объединенных совместной деятельностью. То было все: и ценностно-ориентационное единство, и отношение референтности (предмет последующих исследований Е.В. Щедриной. — *примечание В.А. Петровского*), и деятельная помощь людей друг другу, собственно эмоциональные отношения в группе — это была целостная стройная социально-психологическая концепция. Открывались все новые и новые планы исследований, они потом вошли в книгу «Психологическая теория коллектива». Была, конечно, и некоторая идеологическая обложка, но это ничуть не умаляло его научных заслуг. Широко образованный человек, кстати, по первому образованию — филолог. Перу Петровского принадлежат замечательные популярные книжки по психологии.

Книжная выставка «Психология и время».
Фото с сайта Библиотеки имени К.Д. Ушинского

А.В. Петровский, будучи методологом и теоретиком, вел большую организационную работу — руководил кафедрой, был академиком-секретарем и вице-президентом АПН СССР, потом — академиком-организатором новой академии, а потом — и первым ее президентом — Российской академии образования. Артур Владимирович был очень семейным человеком. Теплым любящим мужем, отцом, дедом, прадедом. В нем все это гармонично сочеталось.

Н.А. Дзюбанова,

кандидат медицинских наук, врач-невролог Национального медицинского исследовательского центра нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко, член семьи А.В. Петровского

Большое впечатление на меня произвела аналогия, проводимая А.В. Петровским и В.А. Петровским между личностью и некоторыми физическими явлениями. Точнее, речь у нас шла о «безличности». Она подобна нейтрину: проходит сквозь толщу земной коры, нейтринно не оставляет следов. Так и некоторые люди — они ничего не меняют в своем окружении. В качестве *индивидов* они существуют, а как *личность* — нет.

А.С. Огнев,
доктор психологических наук,
профессор Финансового университета
при Правительстве РФ

Артур Владимирович показал мне огромную внутреннюю культуру, но без гордыни. Как-то раз Вадим Артурович назначил мне встречу в Академии. В это время там шло заседание. Ты, говорит, загляни в зал, и я выйду. Заглянул в зал, Вадима еще нет, значит, задерживается, жду... Мимо проходит дама, явно облеченная властью, и спрашивает: «Что вы тут делаете?» Я отвечаю: «Жду Петровского». «Вам назначено?» Я отвечаю: «Да! Сказано было: “Загляни, и я выйду!”» Она сделала круглые глаза, я почувствовал, происходит что-то не то. Но не придал этому особого значения. В этот момент открывается дверь и выходит Петровский-старший. Дама глядит на меня, и я вижу мгновенное изменение выражения лица, глаз, сначала удивление, а потом четкие огоньки в глазах стали бегать. Он говорит:

— Вы, наверное, Петровского-младшего хотели увидеть?

— Да.

— А я не сгложусь?

— К сожалению, нет...

— Ну что ж, ждите, как увидите, ему привет!

Умение моментально включиться в игру, о чем говорил Михаил Кларин. А вот другой эпизод. Захожу в кабинет УРАО⁸ (мне предложили заведовать кафедрой) и неожиданно вижу там Петровского. А.В. стал расспрашивать меня, что я сейчас делаю. «Я, — говорит, — слежу за вашими работами по организационной психологии. У вас, говорят, там особый подход... Как вы различаете “команду” и “коллектив”? Это

одно и то же? Что-то одно? В чем для вас отличие?» У меня внутри что-то ёкнуло... Сейчас я буду объяснять Петровскому, в чем разница...

— В коллективе человек — самодостаточная ценность. Допустим, сегодня я, по каким-то причинам, не могу работать хорошо, и меня коллектив поддерживает.

— А что-то еще?

— Вообще-то, «команда» может быть и мафией, а коллектив — нет, ведь в коллективе всегда ценностно-ориентационное единство строится вокруг социально-значимой положительно нагруженной цели».

Он задумался на какое-то время и говорит:

— Вы должны об этом написать.

— Да, — сказал я и долго носил в себе чувство вины, от того, что не писал. И написал об этом только к его 90-летию: о том, почему коллектив — не команда, а команда — не коллектив.

Обращаю внимание на еще одну особенность Артура Владимировича: это бережное отношение к каким-то новым идеям, которые он не просто мог оценить, но дал возможность и развить в дальнейшем. А некоторые из них очень продуктивны в плане дальнейшего, это проявляется у нас прямо сейчас, например, когда вдруг на территории Интернета появляются особые группы, появляются значимые люди, «отраженная субъектность», общность особого рода. И тут есть мощное методологическое основание, которое можно было бы еще развивать. Это важно, поскольку много сейчас вспоминаем о Петровском-старшем как о личности, но при этом недооценен тот шаг, который в будущее сделан, как методологическая основа понимания и исследование того, что сейчас возникает.

Круглый стол, посвященный 100-летию А.В. Петровского.
Фото с сайта Библиотеки имени К.Д. Ушинского

⁸ Университет Российской академии образования. — Прим. ред.

И к этому наследию Петровского нам следует относиться с уважением, бережно. И спасибо Петровскому-старшему за то, что он смог создать целую школу, которая жива сегодня.

Изображение: yandex.ru/images

**Из комментариев к статье В.А. Петровского
«Артур Владимирович Петровский:
100 лет со дня рождения
(«Психологическая газета» от 14.05.2024)⁹**

А.Г. Шмелев,

доктор психологических наук, профессор,
заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Коллеги, мне не довелось лично работать под руководством Артура Владимировича, но всего в нескольких совсем неформальных эпизодах я смог оценить выдающиеся способности этого человека как... талантливого наставника для молодых ученых, способного вдохновлять молодежь на смелые инновации.

Первый неформальный эпизод состоялся далеко за пределами научных лабораторий и учебных аудиторий, а... в очереди по коммунальным платежам в обыкновенной городской сберкассе Мы оказались с Артуром Владимировичем соседями, он тоже жил в 70–80-е годы в Москве в районе м. Аэропорт. Меня

удивило, что академик (даже вице-президент АПН СССР) меня сам узнал, улыбочиво поздоровался и похвалил за мой доклад на последней конференции в МГУ типа «Ломоносов-год», посвященный экспериментальной психосемантике — сумасшедшей новинке для начала 80-х годов

Потом было приглашение на очень интересную конференцию по психологии личности в г. Даугавпилс, которой Петровский руководил. Потом была поддержка с его стороны и со стороны его команды (Михаил Кондратьев) моего учебника «Основы психодиагностики»¹⁰.

Потом еще был яркий рассказ моего приятеля Саши Ерофеева (увы, уже покойного), который писал кандидатскую под руководством Петровского, о том, как Артур Владимирович вдруг начал азартно интересоваться компьютерными играми! А у Саши была в основе его диссертации передовая для своего времени компьютерная игровая методика типа «лабиринт» для измерения уровня притязаний».

Ответ В.А. Петровского: *Спасибо, дорогой Александр! Только по-настоящему серьезный человек (а ты воистину человек серьезный, реальный ученый!) мог по достоинству оценить эту особенную его черту — азартность, интерес к новизне, готовность поддерживать идеи с «сумасшедшинкой». Он любил говорить: «Нам, как и физикам, нужны сумасшедшие идеи, но еще никто не доказал, что нам нужны идеи сумасшедших». А.В. Петровский хорошо различал эти вещи. Твоя экспериментальная психосемантика — это и сейчас «сумасшедшее» здорово, а не только тогда, в начале 80-х годов.*

А.А. Кроник,

доктор психологических наук, адъюнкт-профессор,
директор Института каузометрии LifeLook.Net.
(Бефесда, США)

Думается мне, что (светлой памяти!) юбиляру были бы близки слова Беллы Ахмадулиной: «Забиться, в книге обитать, не ведать вздора и раздора».

Артур Владимирович жил в историческом масштабе времени, в котором и продолжает жить. Пример/доказательство тому — «Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах» (2005) под его общей редакцией. У меня под руками первый том «Общая психология» со статьями многих нынешних авторов Психологической газеты, которых академик А.В. Петровский открыл и пригласил к участию в словаре еще в 1980-е годы. И я там был...

Спасибо! Светлая память Артуру Владимировичу!

⁹ URL: <https://psy.su/feed/12203/>

¹⁰ Шмелев А.Г. и др. Основы психодиагностики: учеб. пособие для студ. педвузов / Под Ред. А.Г. Шмелева. М.: Ростов н/Д: Феникс, 1996.

Н.В. Маркина,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии
Южно-Уральского государственного университета

С теплотой и благодарностью вспоминаю короткие эпизоды встречи с Артуром Владимировичем. Дважды. Один раз мы были с Верой Грязевой у него в РАО. Нужно было минут 10 подождать... и его секретарь — милая дама — сделала для нас это ожидание комфортным и незаметным. А сам Артур Владимирович очень извинялся перед своей бывшей аспиранткой Верой и ее коллегой за ожидание.

Помню его строгим и деликатным — потрясающее сочетание. Как заинтересованно он слушал и задавал вопросы! Мы тогда приехали к нему с программой «Одаренные дети: экология творчества». Его вопросы, вопросы эксперта-управленца для нас оказались неожиданными и очень помогли в последующем быть готовыми уже на месте в Челябинске представлять нашу программу. Сегодня учебник «Социальная психология»¹¹ и коллективная монография «Психология развивающейся личности»¹² по-прежнему, лежат на моем рабочем столе. В студенческие годы страницы учебника, посвященные референтометрии, ЦОЕ и динамике малой группы, не только определили тему дипломной работы, но и вдохновляли на образовательные проекты во Дворце пионеров и в Артеке. И сегодня вопросы событийно организованного образовательного пространства развития одаренных учащихся не отпускают мои научные интересы.

Спасибо Артуру Владимировичу, субъектность которого отражена во мне многократно! Зазеркалье социальной психологии продолжается, вопросы становятся то огромно-непреодолимыми, то стреми-

тельно уменьшающимися, как только начинаю искать на них ответы. Вот уж действительно — прагматический риск Вадима Петровского в сочетании с отраженной субъектностью Петровских в моей жизни — источник и камертон! Рада «виртуальной встрече» с тобою и твоими коллегами на круглом столе.

Отдельная благодарность ученикам и последователям Артура Владимировича Петровского!

Молодеющие в нас...
Артур Владимирович и Иветта Сергеевна Петровские.
Фото и семейного архива

Видео встречи доступно на YouTube-канале Библиотеки имени К.Д. Ушинского — по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=i1b9yWyZOoY&t=3197s>

Видеорепортаж о книжной выставке «Психология и время: к 100-летию со дня рождения А.В. Петровского» также размещен на этом канале: <https://www.youtube.com/watch?v=oSPKB1Oj6c8>

Получена 18.06.2024
Принята в печать 19.06.2024

Received 18.06.2024
Accepted 19.06.2024

¹¹ Социальная психология: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / Под ред. А.В. Петровского. М.: Просвещение, 1987.

¹² Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1987.